

Н. Ю. Костенко

ORCID: 0000-0001-7137-6919

✉ n.kostenko71@mail.ru

Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)

Архив О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ КАК ИНТЕНЦИЯ: МОТИВЫ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ

Аннотация. Во всем разнообразии личных архивов отдельную группу представляют собой те, которые формировались их создателями целенаправленно. Их объединяет типологическое сходство, связанное прежде всего с особенностями личности их составителей, выявление которых помогает получить представление о замысле, мотивах и целях, которыми те руководствовались, собирая архив. Осмысление архива с позиции постмодернизма как формирующего прошлое, настоящее и будущее социума может быть отнесено не только к государственным архивам, но и к частным собраниям как продуктам намеренного действия. Получая от государства или общества примеры того, что важно и необходимо сохранять, будущие «архивисты» используют эту информацию как матрицу для формирования собственного архива. Именно в таком аспекте в статье рассматривается архив выдающегося филолога-классика О. М. Фрейденберг. На основании анализа его материалов и переписки Фрейденберг с Борисом Пастернаком можно определить принципы, которыми она руководствовалась, составляя архив как способ сохранения своего творческого наследия в условиях его категорического неприятия и государством, и научным сообществом.

Ключевые слова: О. М. Фрейденберг, личный архив, Б. Л. Пастернак, мотивация, принципы отбора архивных документов, мемуары, автобиография, память, блокада Ленинграда

Для цитирования: Костенко Н. Ю. Архив О. М. Фрейденберг как интенция: мотивы и целеполагание // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 168–182. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-168-182>.

Статья поступила в редакцию 16 ноября 2020 г.
Принято к печати 8 января 2021 г.

N. Iu. Kostenko

ORCID: 0000-0001-7137-6919

✉ n.kostenko71@mail.ru

Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

O. M. FREIDENBERG'S PERSONAL ARCHIVE AS INTENTION: MOTIVES AND GOAL-SETTING

Abstract. Among all the varieties of personal archives, those that were formed on purpose by their creators constitute a separate group. They are united by typological similarity, which is primarily associated with the personality traits of their compilers; identifying these traits helps us gain insights into the plan, motives and goals they were guided by while gathering the archive. Understanding the archive from the position of postmodernism as shaping the past, present and future of society can be applied not only to state archives, but also to private collections as products of deliberate action. With the state or society creating examples of what is important and necessary to preserve, future "archivists" use this information as a matrix for forming their own archives. This article examines the archive of O. M. Freidenberg — an outstanding Russian classicist, philologist, Leningrad State University professor, author of memoirs, including her notes on the Siege of Leningrad, the first woman in the USSR to become a Doctor of Philology, and Boris Pasternak's cousin — precisely in these terms. Analysis of the archive materials and correspondence between Freidenberg and Boris Pasternak allows us to determine the principles that guided her in compiling the archive as a way to preserve her creative heritage in the face of categorical rejection of her scientific ideas and civic position both by the state and the scientific community.

Keywords: O. M. Freidenberg, personal archive, B. L. Pasternak, motivation, principles for the selection of archival documents, memoirs, autobiography, memory, the Siege of Leningrad

To cite this article: Kostenko, N. Iu. (2021). O. M. Freidenberg's personal archive as intention: Motives and goal-setting. *Shagi / Steps*, 7(1), 168–182. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-168-182>.

Received November 16, 2020

Accepted January 8, 2021

Формирование собственного архива при жизни — явление само по себе не уникальное. Это может выражаться в простом разделении бумаг (рукописей, писем, документов и др.) на важные, по мнению составителя, и неважные и соответственно в хранении первых и уничтожении последних. Уже один такой отбор документов может сказать что-то о личности составителя, как личная библиотека или любая другая коллекция говорит о вкусах и интересах своего владельца. Но рассмотрение замысла и мотивов составителя далеко не всегда является первоочередной задачей исследователя или архивиста. В первую очередь интерес представляют сами документы, особенно если они касаются известных персон или важных исторических событий. Собственно исследованию феномена личных архивов уделяется значительно меньше внимания. К таким работам относится, например, статья А. Ю. Веселовой [2009]. На примере двух архивов, составленных «обычными людьми», исследовательница выделила присущие подобного рода частным собраниям документов общие типологические черты.

Первый из рассмотренных архивов принадлежал Андрею Тимофеевичу Болотову (1738–1833), агроному и писателю, личности довольно известной отечественным историкам благодаря знаменитым запискам, давшим много сведений о русском дворянском быте его времени. Материалы его архива хорошо известны специалистам в самых разных областях знаний, но привлекались они «обычно изолированно друг от друга и без учета личности Болотова, накладывавшей отпечаток не только на то, что он делал, но и на все, о чем писал, в том числе на общеизвестные факты» [Там же].

Второй — Михаилу Андриановичу Червочкину (1914–1994), также агроному, но ставшему партийным функционером.

Оба персонажа считали себя «частными лицами» и «обычными людьми» и были, по выражению Веселовой, «адекватны системе», т. е. лояльны к власти. Оба с юности проявляли стремление к фиксации событий своей жизни: собирали различные ее документальные свидетельства, вели дневники, составляли многочисленные перечни (книг, прочитанных и имеющихся, просмотренных кинофильмов, деревьев в саду), а также хранили и систематизировали письма. Постепенно накопленные материалы стали превращаться в архивы, причем оформлялись они по всем правилам, с которыми оба составителя были знакомы по долгу своей службы. Болотов, служивший несколько лет в русской канцелярии правителя Восточной Пруссии, переписывал поступавшие туда документы в толстую тетрадь, таким же образом он затем переписывал свои разрозненные заметки и наблюдения, сгруппированные по хронологическому или тематическому принципу в небольшие томики, озаглавленные, пронумерованные и снабженные перекрестными ссылками. Червочкин, работавший в отделе кадров, раскладывал свои материалы по папкам «Дело № ...», также пронумерованным, снабженным перекрестными ссылками и пометой «хранить постоянно».

Веселова рассматривает феномен создания частных архивов в тесной связи с развитием мемуарного жанра, появление которого обусловлено формированием комплекса представлений о ценности частной жизни. В центре архива, логически связывая и поясняя все его документы, в обоих рассмотренных ею случаях находились мемуары. Оба составителя приступили к их написанию,

когда у них образовались уже достаточно большие архивы, требовавшие комментариев. Обоих также объединяет ощущение необходимости зафиксировать события своей жизни и окружающей действительности и последовательное отстаивание права на собственное жизнеописание и его значимость для общества и потомков. Кроме того, примечательно, что оба составителя — люди, по словам автора, «нового типа», «нарушающие определенную семейную преемственность»; на мой взгляд, даже шире — преемственность среды: Болотов оставил службу и посвятил себя литературе и наукам, а Червочкин, вышедший из крестьян, большую часть жизни прожил в городе, получил образование и занимал руководящие должности.

Автор статьи делает вывод, что такого рода архивы требуют комплексного изучения, «опирающегося на личность составителя и его мировоззрение, так как оно служит связующим звеном между разными и на первый взгляд не имеющими между собой ничего общего сферами деятельности “архивиста” и объясняет их взаимное притяжение» [Веселова 2009] и что при публикации материалов из такого архива и их комментировании нужно пытаться учесть замысел составителя. Не раскрывая, в чем состоял конкретный замысел Болотова и Червочкина, Веселова отмечает его обязательное присутствие в подборе документов архива и мемуарных свидетельств.

В статье М. В. Черкасовой [2012] показано, что в современную эпоху изменилось представление об архиве «как пассивной информационной системе, отражающей жизнь общества». Автор анализирует размышления специалистов в различных областях знания о проблемах отбора, сохранения и использования архивной информации в современном обществе. М. Фуко определял «архив как институт власти и порабощения». Ж. Деррида считал, что принцип архива основан на «властной интенции, благодаря которой архив формирует прошлое, определяя его познание в будущем». А поскольку архивы сохраняют не то, что было, и даже не то, что осталось, но лишь отобранное властями из оставшегося, «архив минуты так же невозможен, как архив дня или года». Отсюда автор делает вывод, что архивы (архивное законодательство, принципы архивирования) «одновременно сохраняют и конфискуют историческую память социума», а также «обладают властью над обществом, формируя его прошлое и тем самым определяя его настоящее и будущее» [Черкасова 2012: 239]. Сказанное по большей части относится к государственным архивам, но может быть применено и к частным собраниям: человек, сохраняя или уничтожая свидетельства своей жизни, формирует свой образ в глазах потомков.

Целенаправленное составление людьми собственных архивов можно рассматривать как попытку сохранения своей личности, борьбу со смертью и забвением: вот он я, я был такой, затем стал вот такой, у меня было в жизни это и то, но что будут знать обо мне, когда я умру, каким я буду представлен в глазах потомков? Возможно, за этим вопросом стоит неудовлетворенность от собственной нереализованности или недооцененности, а может, наоборот, человек считает свою жизнь примером для потомков. Составление архива и/или написание мемуаров — средство, с помощью которого человек пытается предстать в глазах потомков именно в том свете, в каком он сам этого хочет. И общество предлагает такому мемуаристу и архивисту самые разнообразные жанры и образцы. Так, Болотов руководствовался галантными и приключен-

ческими романами (его записки озаглавлены «Жизнь и приключения Андрея Болотова»), а Червочкин брал пример с мемуаров революционеров и военных, популярных биографий из серии «Жизнь замечательных людей», а при составлении своих архивов оба руководствовались навыками, полученными на службе [Веселова 2009]. В свою очередь, мемуарист или архивист пополняет запас знания общества сведениями и документами, которые считает нужным и уместным сохранить в качестве памяти о себе.

Изучая личные архивы в таком контексте, интересно и важно попытаться реконструировать мотивы составителя (что не удовлетворяло его при жизни, что он не смог осуществить и какие качества своей личности он не смог реализовать или чем он хотел, но не смог поделиться с потомками) и понять принципы отбора документов для его архива, иными словами, то, каким он хотел быть представленным потомкам¹.

Архив выдающегося филолога-классика О. М. Фрейденберг — тщательно отобранное ею самой собрание документов. Частично его история описана Н. В. Брагинской при публикации переписки Фрейденберг с Пастернаком и в предисловиях к изданию работ ученого [Брагинская 1998; Брагинская и др. 1988]. Систематизация и научное описание архива Фрейденберг начаты в начале 1990 г. стараниями М. Ю. Сорокиной — архивиста, сотрудника Института высших гуманитарных исследований РГГУ до 2003 г. Позже предварительное описание архива было опубликовано в приложениях ко второму, полному изданию «Мифа и литературы древности» [Сорокина 1998]. Однако его обзор, включающий историю, состав и содержание собрания, впервые был сделан в моей работе [Костенко 2017], где я также попыталась реконструировать замысел Фрейденберг как составителя архива. Не надеясь на учеников и историков науки, она сама тщательно отбирала для него материалы. Полнота, документальное подтверждение каждого мгновения жизни или лаборатория исследователя Фрейденберг не интересуют². Задуманный как «полная система духовного наследства» архив должен был содержать только научные работы и мемуарно-дневниковый комплекс «Пробег жизни», который можно назвать развернутой научной автобиографией Фрейденберг³.

¹ Интересным примером мотивации к составлению архива и в особенности мемуаров служат архив и мемуары В. Гёте «Из моей жизни: поэзия и правда». Гёте удалось полностью воплотить в жизнь свои замыслы: начальство нисколько не стесняло его, жизнь он прожил долгую, и изначальная попытка расположить в хронологическом порядке свои поэтические произведения вылилась в написание им развернутой автобиографии. Другой, более близкий к Фрейденберг по времени и смыслу пример — автонекролог ее университетского учителя С. А. Жебелева, написанный к своему 65-летию в июне — сентябре 1932 г. Редкий по объективности и честности самоотчет, составленный от третьего лица, адресован будущим историкам науки. Это своеобразная исповедь советского ученого, в конце 1920-х подвергшегося гонениям и травле и вынужденного занять лояльную по отношению к марксизму позицию в своей области исследований [Тункина, Фролов 1993; Жебелев 1993].

² В отличие от, например, А. А. Зимины, который, заботясь именно о будущих исследователях, сожалел об уничтоженных черновиках своих опубликованных работ, из-за чего «творческую историю и лабораторию исследователя проследить невозможно будет» [Зимин 2015: 365].

³ В процессе работы над мемуарами, которая велась параллельно с формированием архива, Фрейденберг использовала отобранные документы, письма, газетные вырезки, стихи, либо переписывая их в текст мемуаров, либо вшивая или просто вкладывая в тетради своих воспоминаний. Как правило, полностью переписанные документы за небольшим исключе-

Попробуем рассмотреть архив Фрейденберг с точки зрения типологии, выявленной Веселовой.

1. Фрейденберг не считала себя обычным человеком и не была «адекватной системе», наоборот, по большей части противопоставляла себя ей. Но, так же как и герои статьи Веселовой, нарушила преемственность среды и своей собственной семьи. Будучи женщиной и уже в зрелом возрасте, она поступила в университет вопреки воле отца, сбежавшего даже из гимназии и считавшего, что она «предала его идеалы и пала до ценза и цехового знания» [Фрейденберг 1939–1950 (4): Л. 4]. Фрейденберг стала пионером во многих областях — впервые высказала множество научных концепций, защищила первую после революции диссертацию, стала одной из первых в СССР женщин, заведующих кафедрой, и первой женщиной — доктором литературоведения.

2. Фрейденберг составляла перечни книг, спектаклей, стихов, записывала в блокноты и записные книжки⁴ цитаты из книг и свои собственные размышления, делала выписки из отправленных писем, но не собирала и не систематизировала свои документы хотя бы для удобства использования (кроме научных работ), не хранила черновиков (то, что сохранилось, — случайность или свидетельство незаконченности работы), а письма друзей, коллег и знакомых не хранила вообще. Фрейденберг любила и умела писать, еще в гимназические годы обмениваясь с подругами многостраничными посланиями, но, ведя обширную переписку, периодически «чистила» входящую корреспонденцию, либо просто уничтожая, либо используя обороты для других записей. Например, фрагмент письма гимназической подруги Е. С. Лившиц сохранился только благодаря тому, что на обороте было записано стихотворение Б. Л. Пастернака, письмо ее ученицы С. В. Поляковой было разрезано на куски и использовано для указателя. Целенаправленно Фрейденберг сохранила только все письма Б. Л. Пастернака, часть писем Л. О. Пастернака, своих университетских учителей С. А. Жебелева и И. И. Толстого, остальные сохранились выборочно и случайно.

3. Фрейденберг, закончив гимназию и не поступив на Высшие женские курсы, пробовала давать уроки, работала фальцовщицей (что дало ей представление о тяжелом женском труде, которого она как обеспеченная барыш-

нием уничтожались. В некоторых частях мемуаров такие документальные вставки, включая переписанные стихи, выписки из записных книжек и т. п., занимают от 30 до 50% текста. В целом биографические и бытовые документы, а также документы по деятельности (включая деловую переписку) и иные материалы составляют не более 20% архива Фрейденберг, тогда как доля служебно-биографических материалов в архиве среднестатистического деятеля литературы и искусства составляет примерно 47%, иных документов — 18% и только 35% — материалы творческого характера (см.: [Бурова 2018: 413]). Кроме того, доподлинно неизвестно, что в предназначенный для хранения архива сундук было сложено самой Фрейденберг и что после ее смерти туда добавила ее душеприказчица Р. Р. Орбели.

⁴ Сохранившиеся в архиве несколько записных книжек были начаты еще в гимназические времена, но записи на свободные места вносились и позже, вплоть до 1950-х. Эти записи использовались затем в мемуарах как своеобразный «лирический дневник», составляя в них целые разделы, внесенные в мемуары записи в книжках зачеркивались. Подробнее о записных книжках шла речь в моем докладе «Круг чтения Ольги Фрейденберг» на ХХV Лотмановских чтениях (2018 г., см. видеозапись: <https://www.youtube.com/watch?v=wCoGw6jKpGo>). Мемуары Фрейденберг не были завершены, поэтому, возможно, эти записные книжки сохранились благодаря более поздним и пока не использованным записям.

ня не знала), затем секретарем отца — журналиста в одной из петербургских газет, где получила богатые впечатления о журналистской среде и известных людях. Она много путешествовала, изучала языки, чтобы читать литературу в оригинале. Первая мировая война застала ее в Швеции. Во время войны она была сестрой милосердия, а когда после революции университет стал доступен для женщин (и вообще для всех желающих), поступила в университет и стала ученым. Ничто из ее собственной административной практики не могло помочь ей в составлении архива (хотя в блокаду она некоторое время работала в Центральном государственном историческом архиве, но, разумеется, не в качестве архивиста), да и само слово *архив* появилось в воспоминаниях Фрейденберг только после войны, когда ей поступило приглашение из Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина передать на хранение свои документы. Но способность видеть явление шире, чем другие, позволила Фрейденберг отнести к формированию личного архива с учетом всего своего богатого научного опыта.

Фрейденберг не делала принципиального различия между своей повседневной жизнью и наукой. Блокадный опыт хождения по высоким инстанциям в попытках получить рабочую карточку отразился в монографии «Лекции по теории фольклора», где она в качестве примера «национальной традиции» приводит зависимость величины кабинета и размера письменного стола от должности [Фрейденберг 1998: 178].

В неоконченной монографии «Происхождение литературного описания» (1939—1941) она писала:

Полиистор Александр, как рассказывает *«...»* Берос в I книге «Вавилонии», говорит, *«...»* что Оанин написал о происхождении мира и государства, и это слово передал людям. Каким бы поздним и легендарным ни был этот миф, но он очень типичен. Описание мира есть его сотворение; Логос, первоначало, основа бытия; написать это значит создать. При этом, конечно, речь не идет о письменности и датировке ее возникновения; книга, письмо *«...»* сперва означает космос, тотем, а потом уже получает то значение, которое мы сейчас вкладываем, и получает его именно потому, что это тотем и космос [Фрейденберг 2018: 50].

А позже, прочитав в 1949 г. мемуары отца («Воспоминания изобретателя», 1913), ни одно из главных изобретений которого (автоматическая телефонная станция, кинетоскоп, подводная лодка) не было реализовано, напишет:

Так вот откуда у меня эти мои записки, апелляция к истории, острый глаз; и трагическая судьба. Я поняла значенье «написанного». Написать — это самое главное. Написанное созидает. Там, где его нет, хаос и обрыв. Кто мог бы сотворить прошлое, если б его не сделал настоящим сам отец? *«...»* И я, единственная из всей семьи, последний ее живой остаток, обязана была найти эти рукописи и взять патент на отцовскую жизнь. Вера в историю пересиливала в отце отчаянье. И я точно так же, подавленная трагизмом отцовской судьбы, восприняла эти записки [«Воспоминания изобретателя»], как оправданное упование [Фрейденберг 1939—1950 (33): Л. 14].

Центральной частью архива Фрейденберг являются ее записки, представляющие собой большой и неоднородный мемуарно-дневниковый комплекс, который состоит из нескольких частей, написанных в разное время, иногда с большими перерывами.

Первый мемуарный опыт она приобрела еще до оформившегося желания составлять архив. Потребность написать воспоминания первоначально появилась в связи с очень конкретным примером и имела столь же конкретную причину.

В 1932 г. вышла монография ее дяди Л. О. Пастернака [Osborn 1932]. Получив экземпляр книги, Фрейденберг написала ему 2 августа:

Автобиография — эта утоленная страсть сказать художнику о себе еще и в обыденном слове; эта репродукция детства, кино воспоминаний, добровольно развернутых в новое бытие, выведенных из ночной бессонницы, где они прячутся в подполье и давят тоской, в широкую публику выведенных вдруг на свет — и, оказывается, они не грустны, а радостны и светлы до неузнаваемости! Эта реабилитация ночи, личного plus-quam-perfectum'a, оживание дней и мертвцев... Это переключение небытия в бытие, эта дозволенность сокровенного! И тут же главные создания [картины Л. О. Пастернака], уже в иной форме, овеществляющие то, что рассказано в словах! [Флейшман, Костенко 2018: 56–57].

Через пять лет, 6 февраля 1937 г., она сообщила ему о своем желании писать «автобиографию “в художественной форме”»:

Вы правы, дорогой дядя, — я мечтаю-таки написать; тяга у меня есть, но выйдет ли что, не знаю. Еще недавно я перечитывала Вашу, в монографии. Тонко Вы ее делаете, «с настроением», и с большим художественным вкусом, где много и красивого, и остроумного, с улыбкой и грустью. Да, тянет и меня; хочется разделаться со многим [Там же: 151].

С января 1937 г. она начинает вести «краткую конспективную запись», где тезисно для памяти записывает последовательность событий из своей жизни и собственные впечатления о них. За зиму 1939 / 1940 г. она написала воспоминания о детстве и юности до поступления в университет, о той себе, которую в ученой среде никто не знал, — для любимого человека. Однако намерения продолжать у нее не было. Более того, весной 1940 г. в письме к любимой ученице С. В. Поляковой, заболевшей туберкулезом, она пишет, переполненная отчаяньем и разочарованием в академическом окружении, в учениках, в своих научных работах:

Я страшно мучусь, что не на кого оставить маму и поехать покататься на лодке Харона. Рядом с этой актуальной темой меня ничто больше не интересует. Наука моя угасла. Мой единственный пафос — передать Вам свою бор-машинку и щипцы, увидеть Вас на ногах и за работой. Ваша болезнь лишает меня и этого. Я пишу «описание».

Мои последние работы вялы и бездарны. Я доказываю вздор, парадоксы, которые никогда ни один наборщик не наберет. Что в Илиаде нет описаний. Что сравнения — от регресса. Что гомеровский реализм есть <...> описание описания, что он антиреален. Кому это все нужно — не знаю; не мне, во всяком случае. Но черт с ним, со всем! [Брагинская, Костенко 2019: 330].

Начало войны Фрейденберг встретила опустошенной и измученной: детективная история ареста ее монографии «Поэтика сюжета и жанра», попытки ее отстоять, проработки на факультете, невозможность печататься, усталость от борьбы за свою науку.

Следующую часть воспоминаний, «Осада человека», она написала во время блокады. Мотивация здесь тоже более чем очевидна. Как в целом во время войны, так и в блокадном Ленинграде многие вели дневники, это даже поначалу поощрялось партийным начальством [Гусев и др. 2004: 8–9]. Но приступила к письму она только в мае 1942 г., и ее записки этого времени наполнены пафосом обличения советского государства и лично Сталина, наряду с врагом губившего население блокадного города непродуманными решениями и непосильным и бессмысленным, по мнению Фрейденберг, трудом. Жизнь в блокадном Ленинграде позволила Фрейденберг почувствовать себя свободной от идеологического давления и ограничений. Раскрепощенная, она описывает блокадный быт как преступление тоталитарных режимов против человечности и пишет научные работы, понимая, что при существующем режиме они не будут опубликованы. Этот опыт позволил ей сохранить себя и прийти к убеждению, что ей не нужны ни государственные институты, ни ученики, ни историки науки, чтобы обобщить свой научный и человеческий опыт и описать свой научный путь. Две обобщающие монографии, вошедшие в первую опубликованную после ее смерти книгу «Миф и литература древности», — это именно работы, написанные в блокаду и после изгнания из университета в 1951 г. Блокадные записки Фрейденберг заканчивает не прорывом блокады или окончанием войны, а смертью матери, и это не только личная драма, это потеря жизненных корней и смысла жизни. А их возобновление в 1945 г. — попытка воскресить мать и свою жизнь вместе с ней. Но, сразу поняв тщетность своих усилий, она обрывает воспоминания. Блокадная часть будет дописана почти через два года — летом 1947-го. Все это время она обдумывала, стоит ли жить дальше и как жить. Особое значение приобретает ее переписка с Б. Л. Пастернаком, в которой тема творчества становится приоритетной [Микурова, Матвеева 2019]. Для Пастернака оно осознавалось как спасение от жизненных невзгод, а затем от смерти и забвения. В 1945 г. он тоже потерял горячо любимого отца, который был для него примером и в творческой, и в повседневной жизни. Сходными у них оказались и жизненные обстоятельства. У Фрейденберг — возвращение университета из эвакуации, восстановление в должности заведующей кафедрой и защиты диссертаций ее ученицами сопровождались сложными и неприятными взаимоотношениями на кафедре. Пастернак же подвергся травле в прессе за «оторванность от социальной действительности». Все это почти одновременно заставило обоих задуматься о том, как дальше жить в сложившихся условиях.

13 октября 1946 г. Пастернак сообщил Фрейденберг о начале работы над романом:

Я уже говорил тебе, что начал писать большой роман в прозе. Собственно это первая настоящая моя работа. Я в ней хочу дать исторический образ России за последнее сорокапятилетие, и в то же время всеми сторонами своего сюжета, тяжелого, печального и подробно разработанного как, в идеале, у Диккенса или Достоевского, — эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое. (...) Это все так важно и краска так впопад ложится в задуманные очертания, что я не протяну и года, если в течение его не будет жить и расти это мое перевоплощение, в которое с почти физической определенностью переселились какие-то мои внутренности и частицы нервов [Пастернак 2000: 286–287].

Фрейденберг ответила глубоким анализом его предисловия к шекспировским трагедиям (так тогда и не напечатанном):

Что-то есть в этом от протокола истории. Твои мысли о Шекспире выглядят, как документ из архива бессмертия, хранящегося, разумеется, в рукописном виде. Теперь уже печатные буквы — нечто проходящее и несовершенное. Стертая машинка куда красноречивей и громче. Она перекричит все радио и литографии —

и словами, в которых угадывается и ее выход из критического состояния:

Не раз я тебе писала, что моя жизнь есть только прохожденье через время. Я приспособилась к далекому путешествию, уселась, приобрела навыки опытного истопника, которого уже не пугает количество километров. Что делать! Я осталась жить [Там же: 289].

Где-то в это время она получила из Публичной библиотеки письмо с предложением передать свой архив. Государственное учреждение показало, как и что надо хранить:

...рукописи, письма, заметки, материалы к биографии, записи и т. д., а также фотографии. «Любые из этих материалов по Вашему указанию могут быть опечатаны и не будут никому выдаваться до установленного Вами срока». (...) Отныне я имела цель жизни: жить для смерти! Срочно готовить архив [Фрейденберг 1939–1950 (26): Л. 3 об.].

Но Фрейденберг видит гораздо шире:

Можно себе представить, как меня подняло и воодушевило это предложение! Чувство истории, как объективного процесса, всегда говорило во мне с огромной силой. Здесь лежала моя уверенная вера, абсолютное мое преклонение перед объективным надчеловеческим

процессом, — мой, если угодно, материализм, для которого единственная человеческая жизнь составляла составную часть всего сущего. Я говорю не об историографии, этой жалкой науке, а об истории, как мировом процессе. Здесь ничто не бывает презрено или забыто. Это абсолютная жизнь бытия и небытия, выражающаяся в вечной изменчивости. Рай, который строили народы, бессмертие, «тот свет» — это все существует, но его зовут не небом, не парадизом, не вальгаллой, а историей. Обмануть ее невозможно, сколько бы ни фальсифицировались документы и ни искались или утаивались факты; это можно обмануть только историографию. Не раз я слышала от друзей: «Этого никто никогда не узнает! Все источники будут подделаны, все следы преступлений скрыты. Никогда не узнает история нашей жизни!» [Там же: Л. 4].

Она делится с Пастернаком образом Бетховена, о котором вспомнила, услышав по радио, как, оглохнув, он продолжал сочинять музыку, «продолжал осуществлять человеческое значение». Композитор, сочиняющий музыку, которую он не может услышать, подобен ученному, продолжающему заниматься наукой и писать научные работы, хотя его наука в этом государстве никому не нужна и работы не будут напечатаны или прочитаны⁵.

Предложение государственного учреждения передать свои документы на хранение дало Фрейденберг импульс к формированию собственного архива, но ни о какой передаче его государству и речи быть не могло, поскольку передать документы — значит дать власть над своей жизнью, над своей наукой. Тем более государству, по меткому выражению Н. В. Брагинской, она доверяла не больше, чем бандиту [Braginskaja, Kostenko 2014: 111]. Она принялась формировать архив и дописывать мемуары.

Архив, согласно ее замыслу, должен был содержать только законченные и отпечатанные на машинке научные работы и мемуарно-дневниковый комплекс, совокупно представлявшие ее научную и человеческую биографию, далеко не полную, но именно ту, которую она предпочла составить сама. Фрейденберг назначила посмертного хранителя в надежде, что когда-нибудь ее наследие станет известно миру.

Последняя часть записок датирована декабрем 1950 г. О дальнейшей жизни Фрейденберг мы почти ничего не знаем, потому что она об этом не написала. Сохранилась только переписка с Б. Л. Пастернаком, с которым она шла параллельными путями, но в полном взаимопонимании. Нам неизвестно, знал ли он хоть что-то об архиве и его значении в жизни двоюродной сестры, но, возможно, именно глубокое понимание ее замысла позволило ему совершенно не участвовать в вопросах, связанных с устройством ее наследства и бумаг. В письме к двоюродной сестре Фрейденберг, М. А. Марковой, Пастернак писал:

Пусть тебя не ранят никакие непредвиденности. Оля была хранительницей семейных преданий, вещей, писем. Не думай, что я забыл тебя, или отношусь безразлично к папиной или Олиной памяти.

⁵ Подзаголовок последней монографии Фрейденберг «Образ и понятие» — «Немые лекции».

Просто-напросто я все время чем-нибудь да занят и считаю, что самая лучшая память об умерших — напряженная, близостью с ними связанная и производительно наполненная деятельность остающихся. Да и устраивать там, по-моему, ничего не надо [Пастернак 2000: 384].

Фрейденберг удалось осуществить свой замысел: она успела сформировать архив — завершила и привела в порядок научные работы и написала воспоминания — подробную автобиографию, правильно выбрала хранительницу, и дальше ей осталось лишь дождаться своего исследователя.

Источники

Фрейденберг 1939–1950 — *Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 4, 26, 33* (Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 5; Box 157. Folder 2, 6).

Литература

- Брагинская 1998 — *Брагинская Н. В. Послесловие к 2-му изданию // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / Сост., подгот. текста, comment. и послесл. Н. В. Брагинской. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит. РАН, 1998. С. 744–765.*
- Брагинская, Костенко 2019 — Ольга Михайловна Фрейденберг. Письма, 1911–1940 гг. / Публ. и comment. Н. В. Брагинской, Н. Ю. Костенко // *Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2. № 4. С. 304–339.* URL: <https://phillett.hse.ru/article/view/10258/11100>.
- Брагинская и др. 1988 — *Брагинская Н. В., Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В. [Предисл. к: Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания] // Дружба народов. 1988. № 7. С. 201–208.*
- Бурова 2018 — *Бурова Е. М. Личные архивы в контексте репрезентативности архивного фонда Российской Федерации // Документ. Архив. Информационное общество: Сб. материалов III-й Междунар. науч.-практ. конф., Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 28 сент. 2017 г., Пушкино, Московский архивный центр, 29 сент. 2017 г. / Сост. Е. М. Бурова, О. Е. Антонова. М.: Термика.ру, 2018. С. 406–425.*
- Веселова 2009 — *Веселова А. Ю. Архив частного человека: проблема типологии // Архив петербургской русистики: К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. [2009]. URL: http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/veselova.html#t4.*
- Гусев и др. 2004 — *Гусев В. С., Кутузов В. А., Старков Б. А., Ломагин Н. А. Предисловие // Блокадные дневники и документы / Сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. СПб.: Европ. Дом, 2004. С. 5–11.*
- Жебелев 1993 — *Жебелев С. А. [Предисловие к автонекрологу]; Автонекролог / [Публ. и comment. И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова] // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 173–201.*
- Зимин 2015 — *Зимин А. А. Храм науки (размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 35–384.*
- Костенко 2017 — *Костенко Н. Ю. «Я не нуждаюсь ни в современниках, ни в историографах»: история архива Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 4 (25). С. 117–127.*

- Микурова, Матвеева 2019 — *Микурова П. Л., Матвеева И. И.* Тема творчества в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1930–1940-х гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 2 (34). С. 50–57.
- Пастернак 2000 — Борис Пастернак. Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг / Сост., вступ. и примеч. Е. В. и Е. Б. Пастернак. М.: Арт-Флекс, 2000.
- Сорокина 1998 — Краткое описание материалов личного архива О. М. Фрейденберг / Сост. М. Ю. Сорокина // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / Сост., подгот. текста, comment. и послесл. Н. В. Брагинской. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит. РАН, 1998. С. 776–784.
- Тункина, Фролов 1993 — *Тункина И. В., Фролов Э. Д.* Историографические этюды С. А. Жебелева (Из неизданного научного наследия) // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 172–173.
- Флейшман, Костенко 2018 — Из семейной переписки Пастернаков. Письма О. М. и А. О. Фрейденберг к родным в Германии / Публ. Н. Костенко, Л. Флейшмана; предисл. и comment. Л. Флейшмана // Новое о Пастернаках: материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде / Под ред. Л. Флейшмана. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2017. С. 21–155.
- Фрейденберг 1998 — *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности / Сост., подгот. текста, comment. и послесл. Н. В. Брагинской. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит. РАН, 1998.
- Фрейденберг 2018 — *Фрейденберг О. М.* Происхождение литературного описания / Публ. и примеч. Н. Костенко при участии Н. Брагинской // Теория и история эпфрасиса: итоги и перспективы изучения: Коллективная монография / Под науч. ред. Т. Автухович, при участии Р. Мниха. Siedlce: Instytut kultury regionalnej i badań literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2018. С. 38–76.
- Черкасова 2012 — *Черкасова М. В.* «Власть архивов и власть над архивами: опыт осмысления архива в постмодернистской традиции // Культура и история в компартиативном измерении: Материалы I Всерос. науч.-методолог. семинара (Самара, 12 мая 2011 г.) / [Отв. ред. Л. М. Артамонова]. Самара: ООО «Книга», 2012. С. 238–241.
- Braginskaja, Kostenko 2014 — *Braginskaja N., Kostenko N.* Archives et destin d'un chercheur en U. R. S. S. Ol'ga Mixaiajlovna Frejdenberg (1890–1955) // Revue des études slaves. T. 85. Fasc. 1. 2014. P. 109–129.
- Osborn 1932 — *Osborn M.* Leonid Pasternak: mit 77 Textabbildungen und 67 Tafeln in Autotypie-, Offset- und Farbendruck; mit 4 Fragmenten aus der Selbstbiographie des Künstlers. Warschau: Stybel-Verlag, 1932.

References

- Braginskaja, N., & Kostenko, N. (2014). Archives et destin d'un chercheur en U. R. S. S. Ol'ga Mixaiajlovna Frejdenberg (1890–1955). *Revue des études slaves*, 85(1), 109–129. (In French).
- Braginskaya, N. V. (1998). Posleslovie k 2-mu izdaniyu [Afterword to the second edition]. In O. M. Freidenberg. *Mif i literatura drevnosti* (N. V. Braginskaya, Ed., 2nd ed., pp. 744–765). Vostochnaia literatura RAN. (In Russian).
- Braginskaya, N. V., & Kostenko, N. Iu. (Eds. and Comment.) (2019). Ol'ga Mikhailovna Freidenberg. Pis'ma, 1911–1940 gg. [Ol'ga Mikhailovna Freidenberg. Letters, 1911–1940]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-europeiskii dialog*, 2(4), 304–339. <https://phillett.hse.ru/article/view/10258/11100>. (In Russian).

- Braginskaya, N. V., Pasternak, E. B., & Pasternak, E. V. (1988). [Predislovie k: Boris Pasternak — Ol'ga Freidenberg. Pis'ma i vospominaniia] [Foreword to: Boris Pasternak — Olga Freidenberg: Letters and memoirs]. *Druzhba narodov*, 1988(7), 201–208. (In Russian).
- Burova, E. M. (2018). Lichnye archivy v kontekste reprezentativnosti arkhivnogo fonda Rossiiskoi Federatsii [Personal archives in the context of the representativeness of the Archival fond of the Russian Federation]. In E. M. Burova, & O. E. Antonova (Compls.), *Dokument. Arxiv. Informatsionnoe obshchestvo: Sbornik materialov III-oi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 28 sent. 2017 g., Pushkino, Moskovskii arkhivnyi tsentr, 29 sent. 2017 g.* (pp. 406–425). Termika.ru. (In Russian)
- Cherkasova, M. V. (2012). Vlast' arkhivov i vlast' nad arkhivami: opyt osmysleniya arkhiva v postmodernistskoi traditsii [Power of archives and power over archives: An experiment in comprehending the archives in the postmodern tradition]. In L. M. Artamonova (Ed.). *Kul'tura i istorija v komparativnom izmerenii: Materialy I Vserossiiskogo nauchno-metodologicheskogo seminara (Samara, 12 maia 2011 g.)* (pp. 238–241). OOO “Kniga”. (In Russian).
- Fleishman, L., & Kostenko, N. (Eds.) (2018). Iz semeinoi perepiski Pasternakov. Pis'ma O. M. i A. O. Freidenberg k rodnym v Germanii [From the Pasternaks' family correspondence. Letters by O. M. and A. O. Freidenberg to relatives in Germany]. In L. Fleishman (Ed.). *Novoe o Pasternakakh: materialy Pasternakovskoi konferentsii 2015 goda v Stendforde* (pp. 21–155). Izdatel'skii tsentr “Azbukovnik”. (In Russian).
- Freidenberg, O. M. (1998). *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity] (N. V. Braginskaya, Ed., 2nd ed.). Vostochnaia literatura RAN. (In Russian).
- Freidenberg, O. M. (2018). Proiskhozhdenie literaturnogo opisaniia [Origin of literary description] (N. Braginskaya, & N. Kostenko, Eds.). In T. Avtukhovich, & R. Mnikh (Eds.). *Teoriia i istorija ekfrasisa: itogi i perspektivy izuchenija: Kollektivnaia monografija* (pp. 38–76). Instytut kultury regionalnej i badań literackich im. Franciszka Karpińskiego. (In Russian).
- Gusev, V. S., Kutuzov, V. A., Starkov, B. A., & Lomagin, N. A. (2004). Predislovie [Foreword]. In S. K. Bernev, S. V. Chernov (Eds.). *Blokadnye dnevniki i dokumenty* (pp. 5–11). Evropeiskii Dom. (In Russian).
- Kostenko, N. Iu. (2017). “Ja ne nuzhdaius' ni v sovremennikakh, ni v istoriografakh”: istoriia arkhiva Ol'gi Freidenberg [“I need neither contemporaries, nor historians”: The history of Olga Freidenberg's archive]. *Vestnik RGGU. Seria “Istoriia. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie”*, 2017(4(25)), 117–127. (In Russian).
- Mikurova, P. L., & Matveeva, I. I. (2019). Tema tvorchestva v perepiske B. Pasternaka i O. Freidenberg 1930–1940-kh gg. [Theme of creativity in B. Pasternak's correspondence with O. Freidenberg: 1930–1940]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Filologija. Teoriia iazyka. Iazykovoe obrazovanie*, 2019(2), 50–57. (In Russian).
- Osborn, M. (1932). *Leonid Pasternak: mit 77 Textabbildungen und 67 Tafeln in Autotypie-, Offset- und Farbendruck; mit 4 Fragmenten aus der Selbstbiographie des Künstlers*. Stybel-Verlag. (In German).
- Pasternak, E. V., & Pasternak, E. B. (Eds. and Comments.) (2000). *Boris Pasternak. Pozhiznen-naia priviazannost': perepiska s O. M. Freidenberg* [Boris Pasternak. A lifelong affection: Correspondence with O. M. Freidenberg]. Art-Fleks. (In Russian).
- Sorokina, M. Iu. (Compl.) (1998). Kratkoe opisanie materialov iz lichnogo arkhiva O. M. Freidenberg [Brief description of materials from the personal archives of O. M. Freidenberg]. In O. M. Freidenberg. *Mif i literatura drevnosti* (N. V. Braginskaya, Ed., 2nd ed., pp. 776–784). Vostochnaia literatura RAN. (In Russian).
- Tunkina, I. V., & Frolov, E. D. (1993). Istoricheskie etiudy S. A. Zhebeleva (Iz neizdannogo nauchnogo naslediiia) [Historiographic studies by S. A. Zhebelev (From the unpublished scientific heritage)]. *Vestnik drevnej istorii*, 1993(2), 172–173. (In Russian).

- Veselova, A. Iu. (2009). Arkhiv chastnogo cheloveka: problema tipologii [Archives of a private person: Problems of typology]. In *Arkhiv peterburgskoi rusistiki: K 60-letiu Pavla Anatol'evicha Klubkova*. <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/veselova.html#t4>. (In Russian).
- Zimin, A. A. (2015). Khram nauki (razmyshleniiia o prozhitom) [Temple of science (reflections on the lived through)]. In A. A. Khoroshkevich (Ed.). *Sud'ba tvorcheskogo nasledia russkikh istorikov vtoroi poloviny XX veka* (pp. 35–384). Akvarius. (In Russian).
- Zhebelev, S. A. (1993). Predislovie k avtonekrologu; Avtonekrolog [Foreword to autonecrobogy; Autonecrobogy] (I. V Tunkina, & E. D. Frolov, Eds. and Comment.). *Vestnik drevnei istorii*, 1993(2), 173–201. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Наталья Юрьевна Костенко

научный сотрудник

Институт высших гуманитарных
исследований им. Е. М. Мелетинского,
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва,
Миусская пл., д. 6.
Тел.: +7 (495) 250-66-68
✉ n.kostenko71@mail.ru

Information about the author

Natal'ia Iu. Kostenko

Researcher Fellow

E. M. Meletinsky Institute of Higher Studies
in the Humanities, Russian State University
for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-66-68
✉ n.kostenko71@mail.ru